

В. А. Томсинов

**Размышления по поводу
«Письма студенту о праве»
Льва Николаевича Толстого**

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Я Вам иногда задаю интересующие вопросы по различным аспектам права. Не мог не задать и этот вопрос. Размещён в интернете вот такой интересный информационный материал (ИМ):

ЛЕВ ТОЛСТОЙ «ПИСЬМО СТУДЕНТУ О ПРАВЕ» (1909)
http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0840.shtml

Не могли бы Вы проявить любезность и в краткой форме выразить Ваше мнение о данном ИМ.

С уважением, Пётр Иванович Васильев.

26. 08. 2018. 16.02

В. А. Томсинов

Размышления по поводу «Письма студенту о праве» Льва Николаевича Толстого

Уважаемый Петр Иванович, Вы опять задали на моем сайте очень интересный вопрос, да еще и вовремя — перед началом учебного года. Думаю, проблема, которую затронул Лев Толстой в очерке, написанном в 1909 году и обозначенном при издании его в 1936 году в Полном собрании сочинений как «Письмо студенту о праве», интересна многим — это жизненно значимая для любого общества и государства проблема. Поэтому отвечаю на Ваш частный вопрос публично.

Мне кажется, Ваше внимание привлекло прежде всего следующее утверждение великого нашего писателя-философа:

«Вся эта удивительная так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не de gaieté de coeur (с легким сердцем), как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий...

Если рассуждать не по "науке", т. е. не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом "право", то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено».

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 54-55).

Лев Толстой в этом суждении — настоящий марксист. Его представление о праве, выраженное в приведенных словах вполне укладывается в формулу сущности права, выведенную Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: **«Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса».**

Действительно, по вполне понятным причинам правящий слой всегда имеет больше возможностей подчинить право своим групповым интересам и превратить государство в орудие их защиты. Особенно там, где гражданское общество отличается крайне слабой системой самоорганизации, что наблюдается, например, в современной России.

Однако делая такой вывод, надо понимать, что правящая группировка, игнорирующая интересы общества и преследующая в своей политике исключительно собственные, частные и групповые, интересы, не сможет сколько-нибудь долго управлять страной. И если она не будет отстранена от власти мирным путем — например, посредством выборов, то это произойдет в результате массовых волнений и революции. Исторический опыт убедительно показывает чрезвычайно большую вероятность именно такого трагичного (а нередко и просто кровавого) исхода для правящих, забывающих подлинное свое предназначение — служить обществу.

В приведенных суждениях Льва Толстого из его «Письма к студенту о праве» на самом деле выражена **не сущность,**

а **ИЗВРАЩЕНИЕ** права. По своей настоящей сущности право призвано выражать волю **всего общества**, а не какой-то одной из его групп. Правовые ценности, так же как и государственная власть, призваны охранять и проводить в жизнь общие интересы страны, однако люди, которые создают и приводят в действие законы, имеют собственные эгоистические интересы, которые во многом не совпадают с интересами общества. По этой причине и бывают ситуации, когда право и государство, составляющие общее достояние граждан той или иной страны и предназначенные по своей сущности служить общественным интересам, приватизируются узкой группой людей, добравшихся до рычагов государственной власти, обращаются в их частную собственность, в инструмент обеспечения частных и групповых интересов. Такая метаморфоза с правом и государственной властью неизбежно происходит в странах, в которых гражданское общество не выработало надлежащих способов ограничения эгоизма правящего слоя.

Степень зрелости того или иного общества, развитости той или иной страны, качество жизни ее граждан зависит в большей мере не от уровня материального богатства, не от состояния экономики, а от наличия в обществе, государстве, стране эффективно действующей системы обуздания пороков властвующих персон, бесперебойно работающих механизмов ограничения их произвола.

Беда России заключается в почти полном отсутствии в российском обществе и государстве такой системы и таких механизмов. Между тем **все самые страшные трагедии в русской истории** (смута начала XVII века, революции 1917 года, распад СССР в 1991 году) **приводившие к полному крушению государства, гибели массы людей, обнищанию народа, уничтожению культурных ценностей, наглому разграблению материального богатства страны, совершались исключительно по вине правящего слоя, деградировавшего морально и умственно в процессе слишком долгого, монопольного и безнаказанного пребывания у власти.**

Казалось бы, из этих трагедий просто невозможно не извлечь уроков. Но в России возможно абсолютно ВСЕ. В российском обществе и государстве до сих пор так и не сложилось какой-либо системы обуздания пороков властвующих персон, не выработалось механизмов ограничения их беспредельного эгоизма. Поэтому в высшей степени современно и проникновенно звучат следующие слова из «Письма студенту о праве», написанного Львом Толстым более ста лет тому назад:

«Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают.

Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами.

Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным».

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 55-56).

Лев Толстой не дожил до Первой мировой войны, но если бы дожил, то еще сильнее уверился бы в правоте своей оценки государственного права. Он имел в виду в данном случае, конечно, не науку государственного права, а субъективное право, которым обладает государство.

Феномен Первой мировой войны до сих пор еще не осознан по-настоящему, хотя после ее завершения минуло целое столетие. Что показала эта война? Она продемонстрировала, что даже в развитых странах не сложилось гражданского общества как силы, способной противостоять произволу государства. Десятки миллионов

людей из этих стран были ввергнуты верховной государственной властью в бессмысленную взаимную бойню. Причем ввергнуты без какого-либо заметного сопротивления с их стороны. И более четырех лет они остервенело убивали друг друга. Что это было? Почему это произошло? — Государство стало для людей Богом? Богом, которому повинуются не только безропотно, но еще и с воодушевлением, повинуются даже в том случае, когда его презирают?

Лев Толстой имел все основания считать государство злом. Но он почему-то не принял во внимание, что государство — зло особенное. Оно — зло **НЕОБХОДИМОЕ, НЕИЗБЕЖНОЕ. Без государства людская жизнь не только не становится счастливой, но превращается в настоящее бедствие.**

Каким бы плохим ни было государство, оно сдерживает, ограничивает человеческие пороки, самым пагубным из которых является потребность, желание и даже страсть **УБИВАТЬ**. Государство не может существовать без монополии на убийство. Присваивая себе исключенное право или привилегию убивать, государство тем самым ограничивает людей, выступающих в качестве частных лиц, в праве или возможности убивать.

Лев Толстой имел основания утверждать: «Для всякого человека, думающего не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу,.. ясно, что то, что скрывается под словом “право”, есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими».

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 57).

Связывая право с насилием, писатель не задавался логичным, казалось бы, в данном случае вопросом: а можно ли вообще устроить общественную жизнь людей без насилия? Ведь общество состоит из индивидов, каждый из которых обуреваем собственными эгоистическими интересами. Как совместить эти интересы между собой без принуждения, без применения насильственных мер к людям, не считающимся при осуществлении своих интересов с

интересами других, а нагло их попирающим. Истинная свобода – это возможность делать все, что не причиняет вреда другому, не нарушает его интересов, его прав. Но людям свойственно понимать свободу в качестве ВОЛИ, то есть действовать исключительно по собственным желаниям, вопреки интересам общества. **Разве можно сделать их свободными без применения насилия?**

Содержание «Письма студенту о праве» показывает, что его автор смотрел на право и государство исключительно с позиции идеалов.

Такой способ оценки явлений окружающей действительности всегда существовал в той или иной форме и степени среди людей. Но господствующее значение в общественном сознании он приобрел только во второй половине XVIII века и в наиболее резкой форме выразился во Франции.

Французская революция 1789–1795 годов придала своим идеалам значение незыблемых догматов официальной политической идеологии и принципов конституционного законодательства, но ни один из них (будь то: *принцип юридического равенства граждан, требования личной безопасности и неприкосновенности индивидуальной собственности, идеалы свободы и народовластия*) не осуществила на практике — ни в устройстве общества и государства, ни в их реальной жизни. Произошло это прежде всего от того, что революционеры оказались недостойными тех идеалов, которые провозгласили, но надо признать, что идеалы эти были во многом утопичными, неосуществимыми на практике в сколько-нибудь полной мере.

Идеалы, с позиции которых Лев Толстой оценивал право и государство, предполагали, что люди являются по своей природе существами добрыми и разумными. Поэтому в нормальном своем состоянии человеческое общество вполне может жить без применения насилия. В «Письме студенту о праве» писатель-философ выразил это воззрение последовательно, без каких-либо оговорок:

«Я ничего не знаю такого, чего не знали бы все люди. Знаю же я со всеми людьми, с огромным большинством людей всего мира то, что **все люди свободные, разумные**

существа, в душу которых вложен один высший, очень простой, ясный и доступный всем закон, не имеющий ничего общего с предписаниями людей, называемыми правами и законами. Высший закон этот, самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе. Закон этот так близок сердцу человеческому, так разумен, исполнение его так несомненно устанавливает благо как отдельного лица, так и всего человечества и так одинаково был провозглашен закон этот всеми мудрецами мира, от Ведантистов Индии, Будды, Христа, Конфуция до Руссо, Канта и позднейших мыслителей, что если бы не те коварные и зловерные усилия, которые делали и делают богословы и правоведы для того, чтобы скрыть этот закон от людей, закон этот уже давно был бы усвоен огромным большинством людей, и нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоит теперь» (выделено мною. — В.Т.).

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 60-61).

Как видим, Толстой проводил и отстаивал мнение о том, что люди от природы добры и разумны, что в их существо от рождения вложен закон «любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе». Но богословы и правоведы приложили почему-то усилия скрыть этот закон от людей.

Любопытно, что подобный образ мышления был свойственен и французским революционерам. В преамбуле принятой в революционной Франции 26 августа 1789 года Декларации прав человека и гражданина утверждалось, что *«невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств»*. Лев Толстой по существу сказал то же самое: нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоит теперь, если бы закон «не делать другому того, чего не хочешь себе» был бы усвоен огромным большинством людей. **Он был писателем второй половины XIX века, а философом — эпохи, отстоявшей на столетие раньше.**

С точки зрения господствовавшей в сознании европейских интеллектуалов второй половине XVIII столетия

философии Просвещения люди по своей природе существа добрые, разумные, свободные, но подверженные порче. Это воззрение на природу людей и выразил в «Письме студенту о праве» великий наш писатель-философ. При этом одной из главных причин порчи людей он объявил право и юриспруденцию, то есть юридическую деятельность. Причем заявил об этом предельно категорично:

«Развращающее влияние деятельности, основанной на "праве", особенно резко заметно теперь в России, но то же самое всегда и везде есть, было и будет, где есть, — а оно везде есть — признание законности всякого рода насилий, включающих и убийство, основанных на "праве"... Главная причина безнравственности людей нашего христианского мира это этот ужасный обман, который называется "правом"».

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 57-58).

Между тем нельзя не признать, что порицаемая Львом Толстым юриспруденция или юридическая деятельность есть не что иное, как деятельность людей. Но если в человеческом обществе имеются люди, и в большом довольно числе, дурно влияющие на других людей, и если эти другие люди легко воспринимают порочный образ мысли и поведения, то можно ли в таком случае считать «главной причиной безнравственности людей» ужасный обман, именуемый «правом»?

Не в самих ли людях, не в их ли природе коренится эта причина?

Лев Толстой не задавал себе такого вопроса, но есть в его «Письме студенту о праве» суждение, в котором, он — пусть и невольно — сообщил то, что можно расценить как положительный ответ на сей вопрос:

«Ведь никто не станет спорить о том, что самые первые, невысокие требования нравственности, не говоря уже о любви, состоят в том, чтобы не делать другому, чего не хочешь, чтоб тебе делали, сострадать бедному, голодному, прощать обиды, не грабить людей, не присваивать одним людям того, на что другие имеют одинаковое с ними право, вообще не делать того, что сознается злом всяким неиспорченным разумным человеком. И что же, как образец

справедливости и исполнения нравственных требований, самым торжественным образом делается людьми, считающими сами себя учителями, руководителями людей? Охранение богатств крупных земельных собственников, фабрикантов, капиталистов, наживших свои богатства захватом земли, естественно долженствующей быть общей, или ограблением трудов рабочих, поставленных вследствие отнятия земли в полную зависимость от капиталистов».

(Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 38. М., 1936. С. 58).

Лев Толстой жил в счастливое время — в эпоху, когда еще верилось в добрую и разумную природу человека, и душевная испорченность людей могла считаться, искренно и серьезно, ничем иным, как следствием воздействия на них зловредных внешних сил — частной собственности, религии, государственной власти, законов, юридической деятельности и т.д.

Он жил в эпоху, когда справедливое распределение материального богатства среди людей, устройство государства на основе народовластия, отсутствие насилия и обмана в государственном управлении обществом, межгосударственные отношения без войн, без стремления одних государств уничтожить другие государства могли почитаться как всецело осуществимые, достижимые идеалы.

Он мыслил и писал в то время, когда еще думалось возможным такое устройство государства, при котором носителями государственной власти, пусть не на всех ее уровнях, но хотя бы на уровне высшем: на посту главы государства, главы правительства, будут люди достойные — умом и совестью — своей высокой должности.

Он жил тогда, когда еще можно было всерьез думать, что люди являются жертвой внешних обстоятельств и не понимать, что в человечестве все устроено как раз наоборот: внешние обстоятельства, а именно: экономика, религия, государство, право, юриспруденция стали жертвой людской деятельности, приняв в себя все пороки людей, какие только у них бывают.

* * *

Человека можно, конечно, рассматривать в качестве существа, созданного Богом по своему подобию. Но все, что произошло с людьми за тысячелетия мало-мальски известной нам человеческой истории и особенно все, что происходит

теперь — на наших глазах, явно свидетельствует, что никаких божественных свойств человек в процессе своего формирования не получил. И если бы Бог стал говорящим да захотел раскрыть человеку тайну его происхождения, то он, пожалуй, должен был сказать:

«Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные»¹.

¹ Джованни Пико делла Мирандола «Речь о достоинстве человека». [1486 год]
// Эстетика Ренессанса. В 2-х томах. Том 1. М., 1981. С. 249.